

Это март зеленоглазый
утром заглянул в окно —
и светлее стало сразу
на душе, и здравый разум
констатировал: — Дано
если день весенний встретить —
радуйся, не суетись,
знай, что из мгновений этих
состоят судьба и жизнь.
Полюбуйся, как на вишне
раскрываются цветы,
и послушай, как чуть слышно
ветер говорит: «Не лишней
ты на этом свете. Ты
так же, как трава, деревья,
на земле необходим!..»

Ветру вешнему поверю,
соглашусь, пожалуй, с ним.

ЭХО

Гукнется эхо, аукнется,
за горизонтом замрет —
прошлое перекликается
с будущим. И наоборот.

Возгласом, маминым голосом,
смехом и плачем — опять
слышу, меня умоляет
помнить и не забывать.

Осенью, легкою просинью
низко летят журавли,
и не дают мне отчаяться
светлые мысли мои.

Сказано — в жизни все связано...
Утро. Березы. Река.
И проплывают, как в детстве,
розовые облака.

* * *

Чем я отличаюсь от жучка-паучка,
от божьей коровки, ползущей по теплой ладони?
Тем разве, что не упаду от тычка,
что ветер ненастный не сдует, не стронет
с земли.

Ну а в сущности, я уязвим
поболее, чем беззащитные твари.
Друг в небо ушел...

Я лечу вслед за ним,
но ангел фонариком красным сигналил.

* * *

Мы жили тогда на планете другой...

Георгий Иванов

Мы тоже жили на другой планете,
в другой стране, наверное, не лучшей,
но знали, что, как мать, она нас любит,
не даст в обиду и поймет, простит.

Банальные слова? Быть может. Только
в них правда есть: свидетельства тому
ликующие праздничные лица
на потускневших первомайских фото.

Наивными мы были, вероятно,
не сомневаясь, что когда-то станет
мир справедливым. Впрочем, и сегодня
мне эта вера силы придает.

И не дает отчаяться. Эпохи
сменяются, а люди остаются
такими же — добро преобладает
над злом, как не ярится нанодьявол.

...На старой вишне вновь небесный цвет.

* * *

...И никто не стрелял бы в меня.

В. Шемшученко

В меня никто не стрелял,
а вот сапожищами били
остервенело,
наверно, хотели,
чтоб я навсегда остался
на заплеванном берегу Чульмана
любоваться таежными красотами
с высоты убогого кладбища.

С тех пор
чутьем дальневосточного волка,
вырвавшегося из облавы,
я безошибочно угадываю
особей, мне подобных,
стараюсь бежать с ними бок о бок —
так меньше болят,
скорее затягиваются
душевные раны.

ОКОЛО УГЛЕГОРСКА¹. 2014

Голубицы нет — засохли мари.
Нет грибов — сгорели сосняки.
Птиц не видно, будто не летали
никогда. И стали далеки
звезды в небе потемневшем, словно
не хотят на землю любоваться
и на то, что иностранным словом
кто-то окрестил — цивилизация.

ОТВЕТ СКЕПТИКУ

Ты говоришь, что моя надежда
на будущее величие России
ничем не обеспечена,
что бодрые обещания правителей —
не более, чем собачий брех.

¹ Поселок вблизи космодрома «Восточный». Ныне г. Циолковский.

Может быть, может быть...
А в светлой обители
седоголовые старцы
молятся за нас всех.

В этом бескорыстном служении,
в словах, произнесенных устами
тех, кто отказался от мира и благ,
такая вера на возрождение и спасение —
по сильнее, чем равнение на государственный флаг.

* * *

...А тыквы тяжеленные, как будто камни,
которые Господом велено собирать.
Надсаживаясь, катаю двумя руками,
беззлобно поминаю отца и мать,
в душе ликуя: и все же, и все же
взрастил, как детей, их на скудной земле
и, значит, на что-то еще я гожий,
и стоит сажать огород по весне.

* * *

Тане

...И в этом незавидном бытии,
когда осознаешь, что неуклонно
жизнь движется к итогу, а его,
увы, руками не потрогать, все же
отрада есть: проснуться на заре
и слушать, как сороки гомонятся
в кудлатых ивах, свой базар заводят,
бранятся ли, милуются — а может,
птенцов нравоучают.

Неслучайно,
наверно, птицы сладили гнездо
под окнами квартиры нашей.

Видно,
почувствовали — хочется запомнить
их голоса, чтоб там, в краю безмолвном
однажды улыбнуться: в райских кущах —
беспечная сорочья болтовня...